

ПРИНЦЕССА
ПЕПЛА

ПРОЛОГ

В последний раз моим настоящим именем назвала меня мать перед смертью. Мне было всего шесть; рука мамы полностью накрыла мою маленькую ладонь и сжала так крепко, что от боли я почти не замечала происходящего вокруг. Так крепко, что я почти не замечала прижатое к ее горлу серебристое лезвие кинжала и страх в ее глазах.

— Ты знаешь, кто ты, — сказала мне мама. Голос ее не задрожал даже после того, как кровь потекла из пореза на шее. — Ты — единственная надежда нашего народа, Теодосия.

А потом маме перерезали горло, и мое имя у меня отняли.

ТОРА

—Тора!
Я оборачиваюсь и вижу, что по раскрашенному золотой краской дворцовому коридору ко мне на всех парах летит Крессентия: на хорошеньком личике играет милая улыбка, подол розовой шелковой юбки развеивается, как парус.

Следом из последних сил поспешают две худенькие служанки в платьях из домотканой материи.

«Не смотри на их лица, не смотри», — твержу я себе. Больно видеть их пустые глаза и бледные от недоедания губы.

Больно видеть, как сильно эти девушки похожи на меня — та же смуглая кожа, такие же темные волосы. Когда я гляжу на них, голос, звучащий у меня в голове, становится громче, а если он делается таким громким, что вырывается наружу через рот, кайзер гневается.

Пока я не злю кайзера, он позволяет мне жить — я давно научилась следовать этому правилу.

Итак, я смотрю только на свою подругу. С Кресс всегда легко и просто, она несет свое счастье миру, подобно излучающему тепло солнцу. Кресс знает, что я более чем кто бы то ни было нуждаюсь в этом те-

пле, поэтому без колебаний подходит ко мне вплотную и хватает за руки.

Она всегда свободно выражает свои чувства — дар, доступный очень немногим. Кресс никогда не теряла тех, кого любила; воздушная, по-детски невинная красота останется с ней даже в старости; ее изящные черты лица никогда не омрачала гримаса скорби, а огромные, ясные глаза никогда не видели никаких ужасов. Светлые, почти белые волосы подруги заплетены в перекинутую на грудь длинную косу, украшенную десятками живых камней; в витражные окна дворца льется солнечный свет, и в его лучах камни вспыхивают и переливаются всеми цветами радуги.

На камни я тоже не могу смотреть, но всё равно их чувствую. Все мое существо тянется к ним, меня манит их сила, но получить эту силу я, разумеется, не могу. Не стану даже пытаться, потому что не смею.

Когда-то, еще до того как Астрейю завоевали кейловаксианцы, эти камни являлись священными предметами

Живые камни добывали в пещерах, раскинувшихся под четырьмя главными храмами — по одному на каждого главного бога или богиню. Пещеры являлись сосредоточением божественной власти, поэтому их пронизывала магия, и камни впитывали и накапливали эту энергию. До Вторжения верующие, посвятившие себя тому или иному богу или богине, проводили по нескольку лет в этих пещерах, служа божествам, и если показывали себя достойными, бог или богиня даровали этим избранным благословение и силу. Впоследствии такие люди — их называли Защитниками, — использовали полученные дарования, служа Астрее.

Находились и отверженные, на которых выбор богов так и не падал; это случалось не часто, раз или

два в год; такие несчастные в конечном итоге сходили с ума и вскоре умирали. Все верующие понимали, что риск велик, и шли на него осознанно.

Носить гордое звание Защитника непросто, оно сопрягалось с большой ответственностью.

Но всё это было давным-давно. *В другой жизни.*

После Вторжения кайзер приказал разрушить храмы и отправил десятки тысяч поработанных жителей Астреи в пещеры, добывать живые камни. Теперь люди оказались вынуждены жить вблизи источника божественной силы не по собственной доброй воле, а по принуждению. Не чувствуя в себе призвания к служению, люди не могли выносить магической мощи; очень быстро их настигало безумие, а потом и смерть.

Богачи платили целые состояния за возможность с ног до головы обвешаться живыми камнями, даже не произнося имен богов. Для нас это страшное кощунство, а для кейловаксианцев в порядке вещей.

Кейловаксианцы не разделяют нашей веры, но если человек не получил благословения богов, не провел долгое время под землей, он не получит и сотой доли той силы, которой владели Защитники, и не важно, сколько живых камней он на себя нацепит. Мощи вплетенных в косу Кресс водных камней хватило бы тренированному Защитнику для создания полноценной иллюзии, способной полностью изменить его внешность, но в случае с Кресс камни лишь делают ее нежную кожу сияющей, добавляют румянца щекам и придают еще больше блеска золотистым волосам.

«Камни красоты» — так кейловаксианцы называют наши живые камни.

— Отец прислал мне книгу стихов из Лаэра, — говорит Кресс. В ее голосе проскальзывают напряженные нотки — так всегда происходит, если она гово-

рит со мной об отце. — Мы можем взять ее с собой в беседку и перевести. Наслаждайся солнцем, пока оно у нас есть.

— Но ты же не говоришь по-лаэрански, — хмурюсь я. У Кресс талант к языкам и литературе, в то время как ее отцу никогда не хватало терпения на чтение и изучение языков. Будучи лучшим воином кайзера и главой его армии, Тейн понимает толк в битвах и вооружении, стратегии и кровопролитии; книги и поэзия его мало интересуют, но он всегда стремится порадовать дочь. Мать Кресс умерла, когда Кресс была совсем маленькой, и теперь кроме дочери у военачальника никого не осталось.

— Я нахваталась немного по верхам: словечко тут, пара фраз там, — говорит подруга, небрежно помахивая рукой. — Но отец приказал одному поэту перевести часть стихов, так что остальные я кое-как могу разобрать. Ты же знаешь, как моему отцу нравится ставить других в тупик.

Говоря это, Кресс краем глаза наблюдает за мной, но я осторожна и держу лицо.

Я стараюсь не думать о том, как ее отец приставляет кинжал к горлу бедного, тощего поэта, и тот, дрожа, склоняется над работой; также я стараюсь не вспоминать о том, как много лет назад Тейн приставил кинжал к горлу моей матери. Я не думаю о страхе в ее глазах, не вспоминаю о том, как крепко она сжимала мою руку, не помню ее сильный, звонкий голос.

Если я начну обо всем этом думать, то сойду с ума.

— Ну, вдвоем мы быстро с ними разберемся, — говорю я с улыбкой, надеясь, что Кресс поверит в мою искренность.

Далеко не в первый раз я задаюсь вопросом: что случится, если при упоминании ее отца я не смогу сдерживать дрожь, не стану улыбаться и делать вид, что

вовсе не он убил мою мать. Мне хочется верить, что мы с Кресс дружим уже достаточно давно, чтобы она меня поняла, но подобная уверенность для меня недостижимая роскошь.

— Возможно, там будет Дагмара, — замечает Кресс, понижая голос до доверительного шепота. — Ты пропустила ее... эффектное появление на званом обеде у графини.

Глаза подруги искрятся весельем.

«Мне всё равно. — Мысль приходит внезапно, точно пчелиный укус. — Мне наплевать, даже если Дагмара явилась на прием голышом. Всё это меня совершенно не интересует». Я заталкиваю эту мысль поглубже в подсознание, как поступаю всегда. Подобные мысли принадлежат не Торе, а звучащему у меня в голове голосу. Обычно это едва слышный шепот, который легко игнорировать, но порой он становится громче, и тогда возникающие у меня в сознании слова вырываются наружу. И тогда я попадаю в неприятности.

Я стараюсь полностью сосредоточиться на Кресс, на ее беззаботных словах, ее простых удовольствиях.

— Неужто ей удалось измыслить нечто более вызывающее, чем страусиные перья, в которые она нарядилась в прошлый раз? — шепчу я в ответ, и подруга хихикает.

— О, на этот раз всё оказалось гораздо хуже: она заявила в платье из черного кружева, таком прозрачном, что было видно ее нижнее белье — или отсутствие такового.

— Нет! — взвизгиваю я, делая вид, что шокирована.

— Да! Говорят, она надеялась соблазнить герцога Кларенса, — шепчет Кресс. — Хотя не могу взять в толк, зачем ей это понадобилось. Он ей в отцы го-

дится, и от него несет гнилым мясом. — Подруга морщит носик.

— Полагаю, принимая во внимание долги ее собственного отца... — говорю я, растягивая слова, и выгибаю бровь.

Крессентия округляет глаза.

— Нет! От кого ты это услышала? — ахает она. В ответ я лишь многозначительно улыбаюсь. Кресс вздыхает и слегка толкает меня локотком в бок. — Ты всегда знаешь все свежие сплетни, Тора.

— Просто я внимательно слушаю, — отвечаю я и подмигиваю.

Я умалчиваю о причине такой внимательности, молчу о том, почему тщательно собираю все слухи: не могу же я сказать, что жду упоминания о мятежных жителях порабощенной Астреи, надеясь, что кто-то еще на свободе и однажды придет, чтобы меня спасти.

В первые несколько лет после Вторжения постоянно ходили разговоры о мятежниках-астрейцах, замысляющих нападение на кайзера. Каждую неделю меня тащили на капитолийскую площадь, секли кнутом и показывали разлагающиеся головы убитых бунтовщиков, насаженные на пики. Зачастую я знала убитых — то были Защитники, прежде служившие моей матери; эти мужчины и женщины совсем еще недавно давали мне конфеты и рассказывали сказки. Я ненавидела такие дни, а чаще всего ненавидела мятежников, потому что мне казалось, будто это они причиняют мне боль, навлекши на себя гнев кайзера.

Впрочем, теперь почти все бунтовщики мертвы, а от восстания остались одни слухи, которые придворные пересказывают друг другу шепотом за неимением других тем для беседы. С последнего восстания прошло уже несколько лет. Я не скупаю по тем жестоким унижительным наказаниям, но мне не хва-

тает не покидавшей меня в прошлом надежды, ощущения, что я не одна в этом мире, что однажды, быть может, мой народ одержит верх над врагом и положит конец моим страданиям.

Позади нас раздаются тяжелые шаги — вряд ли это кто-то из рабов Кресс, слишком уверенная поступь.

— Леди Крессентия, леди Тора, — произносит мужской голос. Кресс сильнее стискивает мою руку, и я чувствую, как у нее перехватывает дыхание.

— Ваше высочество, — говорит она, поворачиваясь и низко приседая. Я тоже делаю реверанс. При упоминании высокого титула мое сердце начинает заполошно биться, хотя понятно, что это не кайзер — я бы сразу узнала его голос. Однако расслабиться рано, и, поднявшись, я понимаю, что так и есть.

У незнакомца такие же длинные, пшеничного цвета волосы, холодные голубые глаза, квадратная нижняя челюсть, как у кайзера, но этот человек гораздо моложе. Точнее, он еще юноша, старше меня разве что на год.

Это принц Сёрен, с удивлением понимаю я. Никто не говорил о его возвращении ко двору, и это удивительно, учитывая, что кейловаксианцы обожают наследника куда больше самого кайзера.

В последний раз я видела принца почти пять лет назад, и тогда он был костлявым, зато круглощеким двенадцатилетним подростком, ни на минуту не расстававшимся с деревянным мечом. Стоящего передо мной человека определенно не назовешь костлявым, а его щеки потеряли детскую округлость. В ножнах у него на поясе висит меч, но отнюдь не деревянный, а опасно поблескивающий кованый клинок, на рукояти которого сияют живые камни, призванные увеличить силу оружия.

Ребенком я видела Защитников земли, которые за просто могли поднимать камни в три раза тяжелее се-

бя с такой легкостью, будто это пушинки, но живые камни на мече принца скорее всего лишь делают клинок на пару фунтов тяжелее при ударе. Хотя какое это имеет значение. Спустя пять лет тренировок под руководством Тейна этот меч и так пролил немало крови. При дворе вечно с восторгом обсуждают непобедимость принца в бою, говорят, он великолепный воин — даже по кейловаксианским стандартам. Кайзер любит говорить о принце как об уменьшенной копии самого себя, но все достижения принца Сёрена служат лишь одной цели: они подчеркивают отсутствие недостатков у самого кайзера. Захватив трон, кайзер сделался ленивым и самодовольным, теперь его гораздо больше занимают пиры и выпивка, нежели участие в сражениях.

Интересно, зачем принц вернулся спустя столько лет? Видимо, его обучение у Тейна окончено. По закону он теперь совершеннолетний и скорее всего скоро сам встанет во главе армий.

Принц слегка кланяется, потом сцепляет руки за спиной. У него такое безмятежное выражение лица, что его можно принять за мраморную статую.

— Рад снова видеть вас обеих. Надеюсь, вы в добром здравии.

По правде говоря, это даже не вопрос, но Кресс, краснея, всё равно отвечает «да», нервно заправляет за ухо светлый локон и расправляет складки юбки; она едва осмеливается взглянуть принцу в глаза. Подруга влюблена в него до безумия с самого детства, как и все остальные девочки нашего возраста, выросшие с мечтой стать принцессой. Надо сказать, для Кресс это не такая уж несбыточная мечта. Астрейя лишь одна из территорий, захваченных ее отцом по приказу кайзера. Говорят, ни один полководец в мире не завоевал столько королевств, сколько Тейн, так что он

вполне может рассчитывать на такую награду — сделать свою дочь принцессой. Несколько месяцев назад Кресс достигла совершеннолетия, и в последнее время при дворе только и разговоров, что об их с наследником возможной свадьбе.

Возможно, это еще одна причина его возвращения.

Если подобные разговоры и достигли ушей Сёрена, он никак этого не показывает. Взгляд принца скользит по стоящей рядом со мной Кресс так, словно она просто пятно света. Наследник хмурит брови — совсем как его отец при виде меня, — но по крайней мере не ухмыляется и не щурится при этом, как это делает кайзер.

— Счастлив это слышать, — говорит принц, но взгляд его льдисто-голубых глаз устремлен на меня. — Мой отец требует вашего присутствия, леди Тора.

Тугой клубок страха стискивает мою грудную клетку, точно голодная кобра, он всё затягивается и затягивается, так что я не могу дышать. Всё мое существо горит одним желанием — бежать, и мне стоит огромных усилий остаться стоять на месте.

Я ничего не сделала, ведь я была так осторожна. С другой стороны, гнев кайзера может возникнуть просто так, на пустом месте. Как только появляется хоть малейший намек на мятеж, или если астрейские пираты пускают ко дну кейловаксианский корабль, мне приходится за это платить. В последний раз кайзер вызвал меня всего неделю назад, и приказал высечь кнутом, потому что в одном из рудников вспыхнул бунт.

— Что же. — Мой голос дрожит, несмотря на отчаянные усилия говорить уверенно. — Не стоит заставлять кайзера ждать.

Какое-то мгновение мне кажется, что принц Сёрен хочет что-то сказать, но потом его губы сжимаются в тонкую линию, и он протягивает мне руку.

ПРЕДАТЕЛЬ

В центре круглого, накрытого куполом тронного зала стоит на возвышении обсидиановый трон — вырезанный из цельного черного камня, массивный, громоздкий престол в форме языков пламени, так что кажется, будто сидящий на нем человек объят черным огнем. На фоне великолепного золотого зала трон кажется простым и даже уродливым, но тем не менее вид у него внушительный, а это главное.

Кейловаксианцы верят, будто трон этот был порожден вулканами Старой Кейловаксии, после чего их боги перенесли трон в Астрею, дабы кейловаксианцы не сомневались, что в один прекрасный день придут и спасут эту страну от власти слабых и несговорчивых королев.

Я помню совершенно другую историю: однажды астрейский бог огня Оуцца так сильно полюбил смертную женщину, что подарил ей целую страну и наследника, в жилах которого текла кровь бога.

Сейчас я слышу в своем сознании знакомый голос, напевно повторяющий эту легенду, но он словно далекая звезда: если смотреть прямо на нее, она быстро исчезнет с черного небосвода. Лучше вообще об этом забыть.